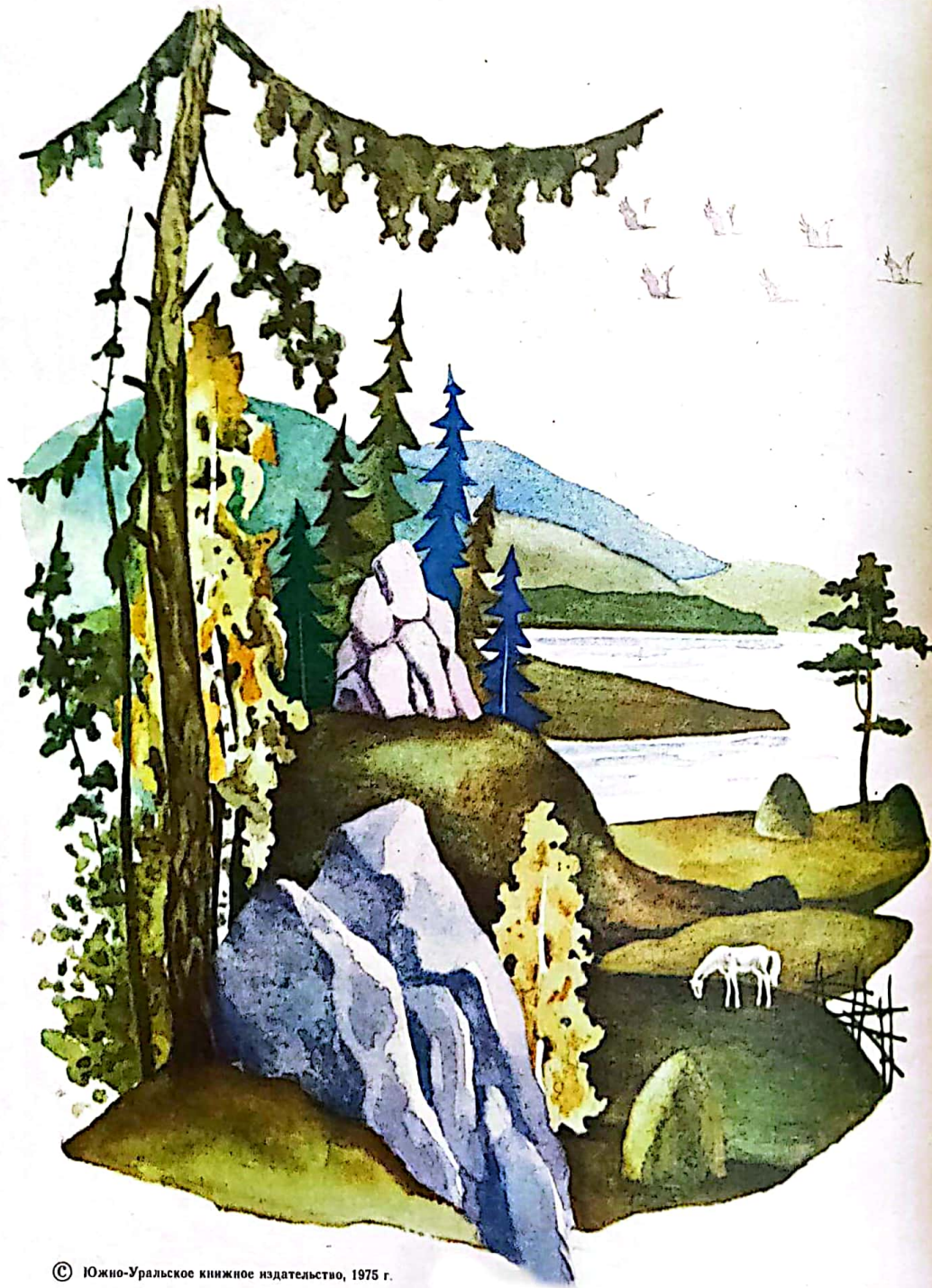

Юрий Подкорытов

СКАЗКИ О РЕМЕСЛЕ

Ай-люли, ай-люли!
 Летят в небе журавли,
 Над лесами над могучими,
 Над высокими над кручами,
 Над степями, над озерами,
 Над уральскими просторами,
 Где горит Жар-птицы след —
 Дивный камень-самоцвет.
 ...Во саду ли, в огороде
 Водят мыши хороводы.
 Из ворот выходит кот,
 Сказку за руку ведет,
 На мышат он смотрит искоса
 И рассказывает присказку.

Б

ыли у одного доброго человека гусельки-самогуды. Сами гусельки заводятся, сами сказки рассказывают.

Золотым узором гусельки расписаны, звоном струн серебряных далеко слышны. За тридевять земель.

Подойдет Петя-петушок, тронет струны — запойт гусли о золотых шпорах горячих да гребешке огненном.

Зайка подбежит — и ему сказку про избушку лубяную да лису Патрикеевну коварную.

А сестрица Аленушка струну серебряную тронет — зазвонят гусли-самогуды про братца Иванушку да гусей-лебедей.

Кто какую сказку захочет — так тому и быть.

Одному, к примеру, про конька-горбунка, другому про шкатулку малахитовую, а третьему и вовсе про белого бычка подавай.

Но чаще всего пели-рассказывали гусельки о земле Уральской. Леса здесь дремучие, реки могучие, горы высокие, степи широкие. Шагом не измеришь, глазом не окинешь. Разве что в сапогах-скороходах идти, либо на ковре-самолете лететь. Да на таком, чтобы ветер обгонял.

И покажется сверху, будто узором из яшмы солнечной горы поднялись, зеленым изумрудом леса переливаются, голубыми бирюсинками озера светятся.

Высокого мастерства здесь люди жили. На руку — твердые, на глаз — острые, на слово — меткие.

О них и сказки. О людях рабочих, о ремесле их отменном.

ПОСЛОВИЦА НЕДАРОМ МОЛВИТСЯ

Словами туда-сюда, а делами никуда.

(Коми-пермяцкая)

Поспешишь — людей насмешишь.

(Русская)

Лентяй за едой здоров, за работой болен.

(Грузинская)

Швец Данило, что ни шьет, то гнило!

(Русская)

Торопливая работа вкривь идет.

(Марийская)

Неспособный не тот, кто не умеет,
а тот, кто не учится.

(Карельская)

Запела струна серебряная о деде Кудельке — мастере на все руки. Издавна о таких люди говорили: он и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Что о нем люди рассказывали — то и мы не утаим. Человек рабочий сам себя в середку выставлять не любит.

Глаз у деда приметливый, на работу веселый. Все у него спорилось, любое дело в руках горело. Да и в мастерстве огневом не в последних числился. Под началом у большого умного человека был. У него и тайну булата перенял. Построил он себе на старости лет избенку в глухом лесном поселке. К самой горе прицепился. Хоть и мала горница, да светла. В одно оконце глянешь — раскинулась в мареве зеленом уральская тайга, в которой зверя и птицы не считано. В другое посмотришь — голубое озеро глаза слепит. На крылечко выйдешь — слышно, как щука хвостом воду бьет, да рыбью мелочь по камышам гоняет.

А вокруг — горы синие, щетиной сосен заросли. Золотыми свечками березы стоят, красными шапками тоненькие рябины покачивают. Прыгая с камня на камень, падают с гор звонкие ручьи. Вербы смотрят в студенные воды быстрых речек, а по берегам — непроходимые заросли черемухи.

Народ там рослый, могучий. Все больше по горному делу старались, а которые и пушным зверем промышляли.

Уважали деда Кудельку за мудрость, за советом не раз приходили. А дед Куделька мужикам молодым как бы невзначай подсказывал: такая-то, мол, гора малахитом богата, а в таком-то вот месте огненной змейкой жилка золотая проскочила.

Соседом у деда Кудельки никудышный мужичонка был. С рыжевatinкой в волосе да со ржавчинкой в голосе. Верхушкой его прозвали. За десяток дел сразу брался, да ни одного до конца не доводил. Все верхоглядом. А на язык подковыристый, занозистый. Работник никудышный, зато на еду да питье дармовое — лютый! Ну, народ у нас не жадный, последним куском поделится. Заходи в избу, угощайся.

Верхушка и повадился. То к одному, то к другому столу прибьется. Поест, попьет, языком почешет. Похваляется:

— Человек сыт одним хлебом, да не одним ремеслом. Я вот (пальцы на руке растопырит) столько ремесел держу. И то могу, и другое, и третье.

Мастером себя выставляет.

А ему отвечают:

— Не все годится, что говорится. Ремесло не языком держится, а делом. Ты бы, Верхушка, работенку какую досконально одолел. И народу польза, и тебе пропитанье. Вон дед Куделька — и швец, и жнец, и на дуде игрец.

И верно. У деда Кудельки рабочих талантов много было.

Кафтан пошьет — любой красавцем писаным станет.

В поле с серпом выйдет — ни один колос даром не пропадет.

На дуде заиграет — ноги сами в пляс идут.

Мужики работные деда за тонкую работу уважали, а девки да бабы — за ремесло портняжное особенно. О ребятишках и говорить нечего — вечно возле вертелись. Тому свистульку смастери, тому человечка из дерева вырежи.

Ну, а жизнь как идет своим кругом, так и дальше катится.

Осенью хлеба уберут, по амбарам развезут, так и свадьбы играть начинают.

Забегают бабы:

— Ты, дедушка, одежонку нашей невесте поприглядней да пофасонистей смастери. Один раз замуж-то выходит. И жених новую рубаху просит. С петухами. Чтобы на всю деревню горланили.

Ну, как тут молодым не угодить? Невеста — ягода-красавица. А жених точно дубок молодой.

Хитро улыбнется дед и ответит:

— А как же, фасон дороже приклада. Не за работу платят, за фасон.

И за дело принимается.

Вот у него-то и задумал Верхушка портняжному ремеслу обучиться.

«Ладно, — думает, — я ведь страсть как башковитый — враз Кудельку за пояс заткну».

Приходит к деду и говорит:

— Я, слышь, ремесло портняжное осилить хочу. Мужиков наших в кафтаны новые наряжать буду. Научи!

Отвечает дед:

— Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит. Я свой секрет не таю, все на виду. Только ремеслу много учиться надо. Все тайны постигнуть.

— Да чего там! Я мужик бедовый, понятливый — враз науку осилю.

— Ну, смотри. Однако языком и лаптя не сплетишь.

Проучился Верхушка у деда три дня. Где иглой ткнет, где утюгом прижжет, где черное белой ниткой пришьет.

На четвертый день говорит:

— Давай мне иглу да припас — сам себе мастером буду.

Дед засомневался:

— Не рано ли?

— В самый раз. Ученого учить — портить! — отмахнулся Верхушка и гоголем со двора.

Всем объявил: я, мол, самого Кудельку в портняжной науке превзошел. Дед мне иглу волшебную подарил.

Поверили ему. Невесте одной платье шить заказали.

— Будет! — важничает Верхушка. — Нам лишь бы мерку снять да задаток взять. Такой фасон сварганим — с бантами да с оборками!

И сварганил. Куль не куль, мешок не мешок. Примерила невеста платье и в слезы:

— Не желаю быть посмешищем!

Жених осерчал:

— А подать мне мастера этого, я из него душу вытряхну!

Завертелся юлой Верхушка:

— Это все дед Куделька виноват! Подсунул вместо волшебной иглы простую, разве это по совести?

Что взять с неумехи?..

Плетется Верхушка по дороге и думает:

«На жнеца я учиться не стану. Не по мне это. От такой работы не будешь богат, а будешь горбат. От зари до зари серпом махать, — пусть дураки занимаются. Мне бы работенку полечче, повыгоднее. Пусть меня дед Куделька на дуде играть обучит. Буду народ веселить — глядишь, и по отчеству навеличивать станут. А на свадьбах музыканту всегда первая чарка да лучший кусок пирога».

Пришел Верхушка к деду и покаялся. Для виду, конечно.

— Кафтаны шить — таланту нету. Полегче бы чего. Поучи меня, дед, на дуде играть. То же ремесло.

Отвечает Куделька:

— Ремесло не коромысло, плеч не оттянет. Так ведь опять же и на дуде умеючи надо. А ты — раз, два и готово! Не годится это. Всякое дело терпение и время любит.

Загорячился Верхушка:

— Вот увидишь — через два дня не хуже тебя возгудать буду. Я башковитый ужасно! Не стал спорить дед. Кто его знает — может, и впрямь из Верхушки на дуде игрец получится. Учить стал.

Дня через три (деда на ту пору дома не было) Верхушка взял дуду, пришел на свадьбу и говорит:

— Превзошел я деда Кудельку в игре. Он меня по отчеству называл, дуду свою отдал и наказал: весели народ честной!

Как заиграл Верхушка на дуде, словно поросенок недорезанный заверещал.

Зашумела свадьба:

— Да ты что, такой-сякой, праздник портишь? Гоните его в шею, шаромыгу!

Взяли мужики Верхушку под белые руки и эдак аккуратно в крапиву жгучую выкинули.

А дуду вернули хозяину. Загудел дед Куделька веселую плясовую. Ударили по земле крепкие ноги, закружилась, поплыла белой лебедью по кругу невеста. Зашумела свадьба, все молодых поздравляют, наказывают жить-поживать, да ремесло в руках держать.

ПОСЛОВИЦА НЕДАРОМ МОЛВИТСЯ

Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит.
(Русская)

Хороший кузнец и лягушку подкует.
(Литовская)

Не бойся работы, пусть она тебя боится.
(Чувашская)

Глаза облюбовали — руки сделали.
(Эстонская)

нова запели гусельки-самогуды. Рассказывают о вещах необыкновенных, которые мастера придумали людям на удивленье.

А еще о том, что доброе имя — дороже богатства.

Дело-то вот как было.

Парнишечка жил один, Николка. Сирота круглый. А фамилии доброй, знаменитой мастеровыми-умельцами.

Минуло Николке четырнадцать лет, собрал он свои пожитки, немудрящий инструмент в котомку уложил. Думает: родитель мой кое-чему обучил меня. Только в руках еще крепости не хватает. Пойду-ка я по людям, присмотрюсь. Может, и определюсь к мастеру доброму.

И отправился в путь-дорогу. Шагал по крутым горам, пробирался через бурелом тайги уральской, студеные речки переплывал.

Добрался до лесного поселка, где дед Куделька жил. Зашел в крайнюю избу и попал к Верхушке — тому самому, который десять дел сразу затевал, да ни одного до конца не доводил, за какое ремесло ни брался — все из рук валялось. И портного-то из него не вышло, и музыкант незавидный получился. Одно время к гранильщикам прибился, так и те посоветовали добрый камень не переводить, а булыжники обтесывать.

Вот к нему-то, к Верхушке, и попросился переночевать Николка, да и рассказал о своем житье-бытье.

Верхушка и говорит:

— Повезло тебе, малец. Я и есть первейший в округе мастер. Возьму тебя на пробу. Может, и толк выйдет.

А сам думает:

«Парнишка бесприютный, а фамилии доброй, знаменитой. Силы своей не понимает. Да и тощеват — за кусок хлеба любое сделает».

Крякнул и важно эдак:

— В убыток себе, да ладно, беру в ученики. Кое-какой работенкой отплатишь.

Согласился Николка.

И вот объявил себя Верхушка часовых дел мастером. Да только наука эта точная, а Верхушка в тонкость ремесла вникнуть не удосужился. За часы, им сделанные, его такими прозвищами наградили, что и сказать-то вслух совестно.

Иные прямо в глаза говорили:

— Часовых дел мастеру Косоруку Полоротовичу наш поклон с кисточкой!

Шапку сдернут с головы, поклонятся с издевкой и допытываются:

— А который час на ваших серебряных? Поди, опять вчерашний день показывают?

...Стал Николка у Верхушки работать.

Целый день над верстаком колдует. Кукушки к часам мастерит. Гири подвешивает.

Смекнул он быстро, что у Верхушки учиться-то нечему.

Закручинился.

Встретил Николка деда Кудельку и рассказал о своей беде.

А дед ему говорит:

— Ты, Николка, горюй, да не очень. Хотя и гол, как сокол, но имя тебе доброе родители оставили. В роду нашем все умельцы. Деды твои с тульскими мастерами на равной ноге были. Могли и блоху подковать. Талант, он что камешек дорогой, огранки требует, чтоб все люди красоту его видели. Вот и покажи свое имя работой искусной.

— Да у меня, дедка, давно задумка одна из головы не выходит — часы сработать из дерева. И цепочку деревянную, легкую.

— Вот это дело! — обрадовался Куделька. — А материал подходящий я тебе подскажу. Отпросился Николка у Верхушки за материалом. Тот хозяином себя показывает: да что, да как, да зачем?

Сам-то подумал: «Ежели выйдет дело — продам часы за свои, а мальцу пятакот рот заткну. Завсегда мастерам слава была, а ученики да подмастерья в счет не шли».

— Ладно, — говорит, — ступай. Да мигом. Одна нога там — другая здесь.

И пошел Николка в Башкирскую землю, в Бурзянские березовые леса. В лесах этих чудесный капа-корень на стволе березы растет. «Железным» зовут его. От сырости не разбухает, от жары не трескается, не ссыхается.

Рассказывал дед Куделька Николке про капа-корень.

— Быстрый сокол Салават Юлаев наповал разил врагов острыми стрелами с наконечниками из капа-корня.

Наконец раздобыл Николка в лесах Бурзянских удивительной красоты капа-корень, светлого цвета, с подпалинами. Вернулся и за работу засел. Ну, Верхушка туда же, с подсказками лезет. Помалкивает Николка, работает, спины не разгибая.

Дед ему из шкатулки заветной кое-какой припас дал. Из стран заморских много занятых вещей привозили — Куделька их на ярмарке на свои изделия выменял.

Корпус часов Николка смастерил из капа, стрелки из жимолости, пружину из бамбука упругого. Ну, а простые детали — из пальмового дерева. Мудреные получились часы — не только минуты и час показывают, а день, и месяц, и год. Поставил Николка на часах и тайный свой знак.

В день воскресный собрался Верхушка на базар. И часы с собой берет. Николка тоже напросился.

Поехали...

А на базаре народу тьма-тьмущая. Карусель крутится, шарманки визжат, приказчики в лавки зазывают. В балаганах комедию показывают. Стоит у входа скоморох, куклу Петрушку на руку одел и выкрикивает:

Старинная потеха

От скуки для смеха.

Плата за вход — копейка

Заходи, не робей-ка!

Все товары свои хвалят, спорят, торгуются, кричат, смеются, песни поют. Ленты горят, платки кумачом пылают, кружева словно пена. Калачи сдобные, орехи грецкие, конфеты тягучие, квас ядреный, семечки жареные, яблоки крепкие, огурцы свежие и соленые, лук зеленый стрелами щетинится.

Даже старый лесовик Букан Деревянный Кафтан и сестрица его Шишига товары свои выставили. Жили они в глухом лесу, в избушке на курьих ножках. У Букана Деревянного Кафтана голова — чурбан осиновый, нос — сучок березовый, глаза — шишки еловые, а руки-ноги из кривой сосны сработаны. В бороде лохматой опять растут. Смолоду Букан Деревянный Кафтан озорником был: то доброго человека в лесной чаще заплутает, то тропки лесные буреломом перегордит — ни пешему, ни конному проезда нет. А сам в чаще филином ухает, пугает. К старости Букан остепенился и частенько бродил по лесам с корзинкой для грибов.

Бабка Шишига — ну, право, сосновая шишка с ручками и ножками да глазами-смородинами. Любила она собирать ягоды, а больше всего — до комариного пения была великая охотница.

Букан Деревянный Кафтан скрипит.

Рыжики соленые,
Опята сушеные.
А вот гриб-боровик
Всем грибам полковник,
Не боится ни жары, ни мороза,
Продаю сразу два воза.

Дед Куделька тоже свой товар красный
предлагает:

Кафтаны взрослые и детские
На плечи молодецкие.
Полушалки шалковые
На головы толковые.

И Шишига не отстает, тоненьким голоском
верещит:

Ягоды малины —
Целых две корзины.

Лошади ржут, коровы мычат, овцы скачут,
петухи орут, поросята визгом исходят.

Шум, гам-тарарам! Вот это базар!

Пришел и Верхушка в торговый ряд, Ни-
колкины часы выставил, похваться стал — я
да я. Мастера здешние сбежались, ахают, ди-
вятся. Народу столпилось несметно. Любопыт-
но всем.

Люди из стран заморских тоже здесь оказа-
лись, удивляются. Много чудес на белом свете
видели, а такого не приходилось.

Подошел мастер часовых дел, по фамилии
Мозе.

Увидел этот Мозе Николкины часы и ахнул!
Ну, конечно, зависть шевельнулась. Трубоч-
кой попыхивает, Верхушке руку трясет:

— Гут, гут, — говорит, — отшень чудесна!

Верхушка от важности надуваться стал —
индюк индюком. Разглагольствует, мастеров
здешних по плечу похлопывает. Удивить всех
обещает. А дед Куделька тут как тут:

— Видно ли, чтобы у козла рога до неба
доросли?

Взял он часы, оглядел, да и увидел метку
тайную Николкину. А меткой была подкова,
которой тульский Левша блоху подковал.

Вот и говорит дед Куделька:

— Не летай, ворона, за соколом, крылья об-
ломашь. Говори, Верхушка, кто эти часы муд-
ренные сделал?

Окрылся Верхушка:

— Ты что, старая перечница, из ума выжил? Уважаемые, уберите старого дурака. Торговле мешает, доброе имя мое позорит.

Покачал головой дед Куделька:

— Эх, Верхушка! С каких это пор ты чужую метку себе присвоил? Смотрите-ка, вот она! И показал всем. Опростоволосился Верхушка. Однако ершится еще, выкручивается.

— Это, — кричит, — ученика моего проделка! Из милости его подобрал, на хлеба свои посадил, а он — вон как отплатил за мое добро.

Николка в то время на телеге в дальнем углу сидел. Прибежал на шум великий.

Спрашивают у него:

— Твоя работа?

— Моя!

— Чем докажешь?

— Работой и докажу! Дайте мне сроку до конца ярмарки. В последний день, в полдень принесу.

Ровно в назначенное время пришел и говорит:

— Готово!

Весь базар к нему кинулся — покажи!

Открыл Николка ладонь, а на ладони небольшие круглые часы лежат — и крохотный-крохотный ключик для завода подковкой чернеет. Без стекла увеличительного и не рассмотреть.

Взревел Верхушка:

— Смеешься, свиненыш, над нами, над мастеровыми! Проучить тебя надо!

— Ты не пыжься — лопнешь, — говорит дед Куделька, — очки надень, да стекло увеличивающее возьми. Да читай, что на ключе написано. Вслух читай!

Делать нечего. Разобрал по складам Верхушка:

— Доброе имя — дороже богатства!

На том и дело кончилось. Верхушку с ярмарки на хромоу кобыле вывезли. Задом наперед. А часы диковинные до сих пор глаз радуют.

ПОСЛОВИЦА НЕДАРОМ МОЛВИТСЯ

Птицу узнают в полете, человека — в работе.

(Армянская)

Угольщик не стыдится черного лица.

(Азербайджанская)

Дружно не грузно, а врозь — хоть брось.

(Русская)

Коль работать неохота, не спорится работа.

(Молдавская)

Дело мастера хвалит.

(Эстонская)

апели струны серебряные о Семигоре, о сыновьях его великанах.

А еще о мастеровых, которые огневой работой себя прославили.

Жил да был на земле нашей уральской великан Семигор. Всему Уралу хозяин и Каменно-му поясу голова — и рекам, и озерам, и тайге, со всею живностью лесною, и тем богатствам несметным, которые в горных кладовых до сих пор хранятся.

Было у него три сына.

Старший по железу знаменитый мастер. Плуги, топоры, грабли, вилы, косы мастерил.

Лесоруб топором намахается за день, а устали — никакой.

Радуетса человек:

— Звонкой работой топор сделан, без устали рубит, только песенку поет!

И средний — по чугуну да железу был искусен. Посуду для домашнего обихода делал, фигурки разные отливал отменно. Для радости людской. Иная хозяйка чугунок в руки возьмет и скажет:

— Огневые руки посуду сработали! Век сносу не будет.

А для доблестного войска российского отливали братья пушки, перед которыми вражеские крепости устоять не могли, звонкие сабли, меткие ружья. Во все времена так говорили: мастеровой Урал — армии арсенал.

Лестно старому Семигору такие речи о сынах слышать. Почет и уважение за работу свою старшие братья имели.

Вот только младший — озорник, задира. А уж принарядиться любил! Носил он одежды красные, с голубой и дымчатой отделкой. Сначала было за ремесло огневое взялся, с маху осилить хотел. Думал, прозовут: Огонь-парень! Прославиться решил, да обжегся. Дело, оно долгого терпения требует. Прозвали его после этого Бедовик-Огневик. (За глаза больше Бедовиком называли.) Дружка-приятеля себе заимел — Пестрого Петуха, бездельника и забияку. Пестрый Петух веселую жизнь любил. Только бы на гармонике с колокольчиками играть да лихие песни горланить.

Ох, и проказничали они!

Пустит, бывало, Бедовик своего дружка Пестрого Петуха по крышам крестьянских дворов — через час от хозяйства кучка золы да головешки тлеют.

А то и на Заповедный лес накинута. Хозяина лесного — Букана Деревянного Кафтана да сестрицу его бабу Шишигу до полусмерти напугают, на болотный островок из озорства загонят.

Бедовик горячими ручищами деревья вековые валит, сосны с корнями выворачивает, зверье из нор да берлог выгоняет. А Пестрый Петух искры рассыпает, мелкую живность огненным клювом клюет, жаркими шпорами бьет.

Старшие братья все время Бедовика совестили. Да куда там!

Сморщится младший, отвернется. Лихо тряхнет кудрями огненными и опять пошло-поехало.

Пестрый Петух веселую песню загорланит:

Тилим-тилим-тилим-бом!
Дым столбом, дым столбом!
Сыплет искрами огонь,
Тихо пляшет под гармонь.

Узнал Семигор о безобразиях этих. Поначалу жалко ему было младшего наказывать: об-разумится, мол, за дело возьмется, мастером себя покажет.

Но видит — дальше некуда.

Осердился Семигор и Бедовика-бездельника собственноручно в камень заточил, да и закинул подальше, не глядя. А людям наказал, если удастся Бедовику-Огневику выбраться, заливать его водой: снова в камне окажется.

А что с Бедовиком приключилось, об этом дальше сказ пойдет.

А сейчас дело пришло к деду Кудельке заглянуть.

Сидел он как-то с мальчишкой соседским на бережку озерном. А сколько снасти рыболовной у деда! И жерлица на щуку зубастую, и на карпа своя ловушка, и на ерша закидушка. Только дед удочки разложил, Пострел тут как тут. Мальчишка таким непоседливым был: то там, то сям его видят. Все-то ему любопытно, все узнать хочется.

— А на какую насадку чебак берет? Как кружки на щуку ставят? Да как...

— Тише ты, Пострел, эдак всю рыбу распугаешь. Так и есть — только хвостом сверкнула.

Удивляется мальчишка:

— Да разве рыба слышит?

— А то как же. И разговаривает.

— По-рыбьи?

— Ага. Вот сейчас карпу ерш про тебя сказал: вон, мол, Пострел-Семидел к нам на озеро пожаловал.

Мальчишка обиделся было.

— Никакой я не семидел. Павлушка я.

А дед Куделька хитро щурится:

— А ты посчитай, посчитай, сколько дел с утра переделал? Козла Ваську из огорода прогнал — раз, сестрицу Аленушку умыл — два, коту Яшке молока в плошку налил — три, гусей хворостинкой на луг выгнал — четыре...

— ...мамкину чашку разбил — пять, в избе подмел — шесть, да в пятнашки поиграл — семь! Ой! В самом деле семь! И как это ты узнал, дедка? Ты волшебник, да?

Посмеивается дед Куделька:

— Никакой я не волшебник. Старик обыкновенный. Долго небо коптил — вот и ума накопил.

Не верит Пострел.

— Нет, чудной ты какой-то! И одежда у тебя непонятно из чего сделана.

— Одежу я себе из горного льна смастерил. В работе удобна и огня не боится. Стой! Никак щука попалась! Так и есть. Отвоевалась, зубастая. Ну, Пострел-Семидел, бери улов за жабры да тащи домой. Только смотри не кричи громко, соседа разбудишь.

Он поспать, ой, как любит!

Бежит Пострел домой, а сам песенку напевает:

Вот какая рыбина!

Чудо-юдо рыбина...

Проснулся Верхушка. Потягивается, охает:

— Поспать не дадут. То петухи орут, то мальчишки. Ишь, какая рыбина-то! Откуда волокешь?

— А мне дед Куделька дал, — похвастался Пострел. — Я уже с утра целых-семь дел сделал!

— Хы, — зевнул Верхушка. — Семь! Да я сразу десять делаю. Только не везет мне... Вот бы камешек какой дорогой найти — я б тогда...

— Куда тебе! Матушка говорит про тебя: и простого камня не заметишь, пока не заплывешь.

Рассвирепел Верхушка, прогнал Пострела и стал рассуждать сам с собой:

— Нет, не везет мне. Десять дел сразу делаю — ни одного не видно. И куда деваются? Эх,

разбогатеть бы!.. Сегодня опять тот же самый сон видел: иду я будто, а камни дорогие кругом валяются. Играют, переливаются. Однако что дальше-то было? Досмотреть надо...

И Верхушка снова завалился спать.

И видит он во сне золотые горы, сундуки, полные дорогих камней, и себя, одетого в бархатный кафтан и новые сапоги со скрипом. «Чкрип-срип...» — поют сапоги.

Тут кто-то тряхнул Верхушку крепенько. Проснулся он, открыл глаза и ахнул: стоит перед ним Варнак-Разбойничек, плетью помахивает, острым ножом поигрывает.

Усы у Варнака, что у таракана, — длиннющие, серьга золоченая в ухе. Одет в кафтан атласный, шелковым поясом подпоясан.

А в кармане у него... Нет, никто не угадает.

В кармане-то камешек лежит, в котором Бедовик-Огневик запрятан.

Повезло Варнаку: заметил он, как этот камень сверху упал. Умишко-то у Варнака-Разбойничка толстый, неповоротливый. Однако смекнул что к чему. Неспроста, думает, камешек-то с неба свалился. Ухо приложил. Слышит: гудит в нем рассерженный Бедовик-Огневик, грозит, выпустить требует.

Варнак подумал: «Хоть красоты и корысти в камне мало, а сила большая запрятана».

Положил его в карман и пошел в деревушку — поживу искать. Идет, песенку напевает разбойную:

— Я Разбойничек-Варнак,
Я покушать не дурак,
У меня что ни день — забота:
Позабить про любую работу.

Время для разбоя Варнак удобное выбрал: взрослые мужики при горном деле были, а бабы с ребятишками в лес ушли. Одни старики остались, да Верхушка сны свои досматривал.

Разбудил Варнак-Разбойничек Верхушку:
— Гони золотишко! А не то сей момент жизни решу!

Завертелся Верхушка юлой, упал Варнаку в ноги, слезами уливается:

— Не губи! Да откуда у меня золотишко! Гроша ломаного за душой нет. Гол как сокол.

— Добром не отдашь, сам заберу. Камешек у меня такой есть. Вот я сейчас тебе бороду маленько подпалю — сразу добро передо мной выложишь!

— А нельзя ли, господин Варнак, деду Кудельке бороду подпалить? Богатый старик! Чертознай, с самим Семигором дружбу водит.

Пнул Варнак Верхушку — брысь! Заверещал Верхушка зайцем и бежать бросился.

А Варнак — к деду Кудельке:

— А ну-ка, дед, бросай свои удочки да признавайся, где золотишко запрятал?

— Ишь ты, быстрый какой! — отвечает дед Куделька, — богатство своими руками добывают. Вот наши мужики работные из горы вернутся — быстро научат. У них руки крепкие.

— Да ты что, старый! Я же Варнак-Разбойничек, завсегда чужими руками жар загребая. Эй, Бедовик-Огневик! Потешь меня забавой молодецкою — узнай у старого, где что лежит.

Ударил он камень о камень. Выскользнул искрой Бедовик-Огневик, задышал жаром:

— Этого, что ли, прижечь? Да мне раз дохнуть. Старикашка-то сгорбленный, сухонький, бороденка на мочало смахивает. Дохну — как высохшая береза запылает.

Стал Бедовик пламенем прижигать, а одежда у деда из горного льна сделана — не горит, только еще белее становится. Бедовик вспотел даже.

— Нет, не могу этого зловредного старика осилить. Давай уберемся отсюда подобру-поздорову. Вернутся мужики, тебе же хребет наломают. В другом месте лучше погуляем...

— А ты посильней пали! Пали его! — орет Варнак-Разбойничек.

В это время Пострел из дома вышел. А за ним кот Яшка.

— Ах вы бессовестные! Двое на одного старика! А ну, Яшка, вцепись в этого усатого, да все глаза ему выцарапай!

А сам на Бедовика водой из ковша плеснул. Раз да другой. Зашипел тот, белым паром окутался и снова камнем стал.

Кот Яшка вцепился в разбойника, когтями кафтан рвет, а дед Куделька толстым концом удилища Варнака угощает. Так и прогнали.

Верхушка осмелел, из-за плетня выскочил, заорал вслед Варнаку храбрые слова. Ну, да на него и внимания не обратили — ори себе.

Говорит дед Куделька:

— Ну, и молодец ты у меня, Пострел! Да и Яшка-кот храбрецом себя оказал. Вот я его сейчас оуныком награжу. А тебе сказку про зеркало хрустальное, кое у волшебника Семигора было.

Посмотрит в него Семигор — все, что на земле, на воде и в воздухе делается, все видно.

И жила в тех местах старушонка одна завистливая. Не то баба Яга, не то ведьма лесная. Юрмой звали.

Ох, как хотелось Юрме зеркало такое иметь. Оно понятно — в урмани глухом скучища зеленая. Словцом перемолвиться не с кем. Которые лешие-шурале поблизости жили, и те от сварливой старухи в болото подались.

Забралась как-то Юрма в горную кладовуху, и так и сяк зеркало из скалы выворачивает. Не хватает силенки. Уж и нечисть лесную помощь просила, посулы богатые обещала.

Лешие затылки чешут: и подзаработать непрочь, и Семигора побавляются. Отказались.

Грохнула Юрма клюкой железной по хрусталу — разбилось голубое зеркало на мелкие осколки, по всему краю разлетелось. Каждый осколок в голубое озеро превратился. А Юрма со злости комья земли в ближнее озеро стала бросать. Горстями полными. То тут, то там островки на озере выросли.

А дело-то вот чем кончилось: Юрму волшебник Семигор в гору каменную превратил. Ну, а озера так и остались.

Давным-давно поднялся на высокую гору человек, увидел внизу озеро с бесчисленными островками. Сверху они казались зелеными оспинками.

— Пестрое озеро, — сказал тот человек, — Чебар-куль!

Вот откуда пошло название этому озеру. Верхушка-то тут же на травке валялся, деда слушал — и здесь свой нос сунул:

— Сказки все это.

— Эх, ты! — рассердился Куделька. — В каждой сказке правдинка есть. Любопытствовать надо. Идешь по земле-матушке, так не по верхам гляди, а в оба. Тут она тебе тайный знак свой и объявит. Вон в Коелге, к примеру, белый мрамор из-под земли выходит. Люди дворцы понастроят, в красоте жить будут. А возле реки Урал, в степях, так и вовсе из цельного железа гора.

— Так уж из цельного? Вот бы из золота! — насмешничает Верхушка.

Плонул тут дед:

— Одно звание тебе — Верхушка! Верхушка и есть! Доброму хозяину и железо к месту. Пойдем, Пострел, ушицу варить.

Побрел Верхушка к себе домой. Идет, лаптями пылит, да и запнулся за камень, в котором Бедовик-Огневик заточен.

— Эй, ты! Выпусти меня из камня! — попросил Бедовик-Огневик. — Одарю несметно!

Перепугался Верхушка. Потом осмелел, торговаться стал:

— Много ли дашь?

— Сколько захочешь. Золото, рубины, топазы, хризолиты — как жар горят. Хозяина настоящего ждут.

— Я, я настоящий хозяин! — радостно завопил Верхушка, а сам думает: «Не продешевить бы». — Только как же я вашу светлость из камня выпущу?

— Ударь камень о камень! — приказал Бедовик-Огневик.

Ударил Верхушка. Выскользнул Бедовик из камня. Пал на сухую траву малой искрой и стал набираться сил. Огненным столбом к небу тянется.

Слизнул горячим языком солому с крыши верхушкиной избы.

А Верхушка кланяется:

— Кушайте, ваша огненная светлость, на доброе здравьице!

Сам-то думает: «Подарит Бедовик богатства несметные — каменные хоромы построю из белого мрамора».

А Бедовику верхушкина изба на один зубок.

— Отощал я! — ревет. — А ты чего стал, рот разинул? Еду мне подавай.

— А как же мое золото, камешки дорогие?

Рассмеялся Бедовик-Огневик:

— Твое золото? Ха-ха-ха! Нет твоего золота! Здесь все мое! Повинуйся! Еды подавай!

— Да у самого со вчерашнего дня во рту маковой росинки не бывало...

Дохнул Бедовик-Огневик на Верхушку горячо — завопил тот, бежать бросился. Налетел Бедовик горячим ураганом на леса, кедры столетние на корню погубил, медведю с медведицей шкуру опалил. Растопырил горячие ручищи и ревет:

— Все сокрушу!

Выбежали из избышки Куделька, Пострел и кот Яшка.

Батюшки мои! Леса и горы черным дымом затянуты, в озерах вода кипит, паром к небу идет.

— Бессовестный, — закричал Куделька, — какую красоту губишь!

— Все мое! — рычит Бедовик. — Я здесь хозяин.

— Ну ладно, — отвечает Куделька, — это мы посмотрим.

Послал Пострела за мужиками работными, а сам одёжонку свою из горного льна надел, лопату на плечо — и пошел навстречу буйному Бедовику-Огневику.

Закричал Бедовик: — Эй, все! На колени перед хозяином! Бойтесь меня!

А дед Куделька ему:

— Бояться-то тебя нечего! А вот работать на людей заставим, приучим. Силища-то у тебя непомерная. Не разорителем будешь — работником послушным.

Еще яростней взревел Бедовик:

— Вот я сейчас лес проглочу, потом и за тебя, козявка этакая, возьмусь.

— Рука не выдаст, огонь не съест, — отвечает дед.

Прибежали работные люди и стали Кудельке помогать. Лопатами канаву глубокую выкопали, преградили путь Бедовику-Огневику.

А Бедовик бушует, горячим жаром дышит. Но деду Кудельке в одежде из горного льна жар нипочем.

Затрещал Бедовик-Огневик, искрами сыпнул, хотел канаву с маху перепрыгнуть, да силенок не хватило. Свалился в ловушку, мельчать стал, а потом и вовсе сизым дымком задышал. А тут и с водой подоспели. Упал Бедовик перед дедом на колени:

— Не губи! Слово огненное даю — смирюсь.

— Губить тебя расчета нет. Из тебя еще мастер огневой может получиться. Конечно, за старшими братьями пока в ремесле не угонишься. Однако малым делом начнешь — большим кончишь. Ты вот что: иди-ка уху вари, а мы тут обмозгуем, к какому ремеслу тебя определить. Ступай.

Позвал дед Куделька Пострела:

— Пойдем, Павлушка, к Семигору. С ним посоветуемся.

Привела их тропка к вершине Таганая. Из горы дым идет, молот грохочет.

Закричал дед: — Эге-гей!

И эхо многократно разнесло: эге-гей-эй-эй!

Раздвинулась гора, показался человек огромный. Одет по-рабочему — рубаха простая, фартук. Волосы тесемкой подвязаны. Борода русая, глаза молодые, живые, с хитринкой.

Заговорил Семигор, словно гром в горах зарокотал:
 — Кто зовет? Какая надобность в Семигоре вышла?
 Пригляделся, деда узнал, улыбнулся:
 — Здравствуй, Куделька. Все еще по горам, по лесам ходишь, мужикам работным места богатые подсказываешь? А мальчонку-то в ученики привел? Шустрый, видать.
 Протянул Семигор свою громадную ладонь Павлушке. А на ладони — камни драгоценные. Так огнем разноцветным и переливаются. У Павлушки в глазах круги цветные пошли. Посмотрел он на лицо Семигора, а оно у него то красным, то зеленым, то золотисто-желтым становится. Грохочет Семигор.
 — Горщиком знаменитым сделаю. Али не хочешь? Тогда по чугуну мастера равным тебе не будет.
 И показал Семигор мальчонке чугунные фигурки, ажурные шкатулки искусной работы.
 Посмотрел Павлушка на Семигора, а тот словно сам из чугуна отлит — лицо черное, волосы черные, борода тоже черная.
 — Не по душе, вижу. Тогда огневому ремеслу учись. Радостное это дело. Особливо булатную сталь варить.
 И сделался тут Семигор голубым-голубым — борода голубая, волосы голубые, фартук рабочий и тот оголубел.
 — Ну, малец, выбирай дело.
 Задумался Павлушка, потом и говорит твердо:
 — Мне бы без волшебства всякого. Своим умом до дела дойти хочу.
 Загрохотал Семигор, горным эхом вокруг рассыпался:
 — Ха-ха-ха! Ладно. Смекай своим умом. А что не выйдет — у деда совета спрашивай. Слыхал, усмирили вы Огневика? В помощники я тебе определяю его. Пора и младшему в люди выходить. Ступайте!
 Вернулись. Батюшки! Дома у деда дым коромыслом. Это Бедовик уху варил. Но с неприщипки только оконфузился. В золе да саже перепачкался — трубочист трубочистом.
 Говорит ему дед:
 — Голова-то большая, только ума маловато. Сколько лет чугунок мне верой-правдой служил, а ты его враз прожег.
 — Новый сделаю, — гудит Бедовик-Огневик.
 — Скор на слова-то! А на деле как?
 — А ты научи.
 — Вот и ладно. Не будут тебя больше звать Бедовиком. Определяйся к работе горячей, — присматривайся, что к чему. Может, и в мастера, как братья, выйдешь.
 Гудит Огневик веселее:
 — А харчи какие?
 — Не обидим. Старайся только.
 Отвели Огневику хоромы — из особого кирпича огнеупорного. Ну, печь не печь, больше на дом походит, только громадный. Поэтому и называется эта печь — доменная. Стал Огневик ремеслу учиться. С охотой. Мозоли набил, фартук прожег, дымом пропах — силу в себе великанью почувствовал. Еду ему целыми телегами да маленькими тележками подвозят.
 И Павлушка-Пострел к огневой работе тянется, про секреты мастерства у деда Кудельки выспрашивает.
 — Все расскажу, ничего не утаю. Жизнь моя на закат пошла, а тебе, молодому, дела большие предстоят. Да и не в обычке человека работного тайны ремесла при себе хранить. Научу тебя сталь особую варить, дорогую — булатную.
 Из нее сабли сделаешь — любого врага осилишь.

— А у меня, дедка, еще и такая думка: машины сделать, чтобы землю пахали, хлеба убивали да прямо к амбарам привозили.
 — Хорошо говоришь, по-хозяйски, — одобряет дед.
 Взялись за дело. День и ночь у печи пропадали — большую работу наскоком не возмешь.
 И однажды...
 Словно молния побежал по желобу металл, голубым огнем вспыхнул, птицей в небеса взвился.
 Говорит Пострелу Куделька:
 — Ну, мастер, по-твоему вышло. Внукам, правнукам своим расскажешь: такого-то, мол, дня, Павлушка Пострел булатную сталь выплавил. Для пользы людской. Да и Огневик себя показал. Быть ему Огнем-Великаном.
 ...Красными всадниками пронеслись по нашей земле годы. Настали времена другие. Песни новые люди запели.
 Подрос Пострел и его друзья-товарищи. Хозяевами всему стали. Дружно за работу взялись. Один придумает, другой подскажет, третий руки золотые приложит.
 И побежали по земле машины, по воде поплыли, по воздуху полетели.
 А мастерам и этого мало.
 Говорит Пострел деду Кудельке:
 — Хочу я, дедка, такой металл выплавить, чтоб конем крылатым выше звезд поднялся.
 — Это что же, — хитро улыбается дед. — Как в сказке, чудо сотворить собираешься?
 — А все чудеса вот эти руки делают.
 — Верно, — говорит дед, — нет такого дела на земле, на воде и на небе, до которого бы рабочие руки не дошли.
 Упорны в работе мастеровые, слов на ветер не бросают. Варит Павлушка-Пострел звездную сталь. Подходит к печи доменной, в огненные глазки заглядывает и как доктор спрашивает:
 — Как дела? На что жалуетесь, Огонь-Великан?
 А Огонь-Великан красным глазом подмигивает и гудит весело:
 — Все в порядке, мастер!

Известно, очень долог день
До вечера, до вечера,
Когда работать очень лень,
Тогда и делать нечего.
И все слова, и все слова
Словами и останутся.
Была бы только голова —
Дела рукам достанутся.
Но кто владеет ремеслом,
Тот весел и поет,
Своим трудом, своим трудом,
Своим трудом живет!

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Подкорытов Юрий Георгиевич

СКАЗКИ

О

РЕМЕСЛЕ

Редактор Е. Н. Петрова
Худож. редактор Н. А. Кудричев
Техн. редактор Л. М. Власова
Корректор Н. В. Канишева

СДАНО В НАБОР 29/1-1975 г. ПОДПИСАНО К ПЕЧАТИ 22/V-1975 г. ФОРМАТ БУМАГИ 60×90/8-3,5 П. Л., 4,02 УЧ.-ИЗД. Л. БУМАГА ОФСЕТНАЯ № 2. ТИРАЖ 150 000 ЭКЗ. ИЗД. № 3337. ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, г. ЧЕЛЯБИНСК, ПЛ. РЕВОЛЮЦИИ, 2. ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ ЧЕЛЯБ. ОБЛ. УПРАВЛЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ, ПОЛИГРАФИИ И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ, г. ЧЕЛЯБИНСК, УЛ. ТВОРЧЕСКАЯ, 127.

ЗАКАЗ № 532

ЦЕНА 30 КОП.

П — 0762—068 — 61—75
М 162 (03) — 75

